

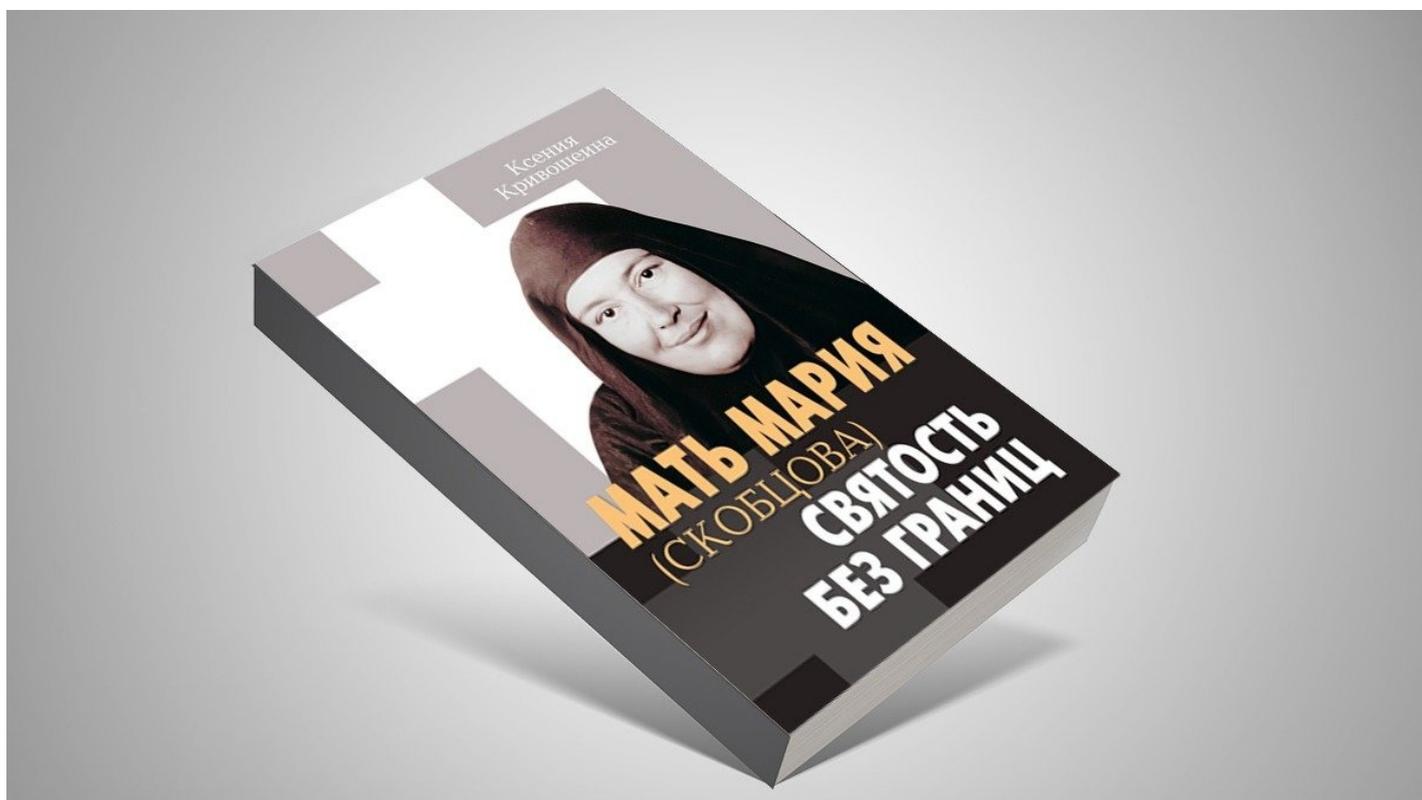
Узница 19263

Поэтесса Серебряного века, монахиня, подвижница
Сопротивления: путь матери Марии Скобцовой

14:20, 12 февраля 2026,

В прошлом году в Лейпциге, в издательстве ISIA Media Verlag, вышла книга Ксении Кривошеиной «Мать Мария Скобцова, святость без границ». Мать Мария – русская эмигрантка, художница и поэтесса, а потом монахиня – погибла в Равенсбрюке, в газовой камере, в 1945-м, добровольно заменив одну из молодых узниц. Она прославлена как святая. И оставила пророчество о печальной судьбе русской церкви в случае ее признания властями. Мы публикуем отрывки из книги Ксении Кривошеиной с разрешения автора.

Обложка книги «Мать Мария Скобцова, святость без границ»

Мой тесть, Игорь Александрович Кривошеин, скончался в 1987 году. После его ухода в мир иной остался довольно большой архив. И эти чемоданы писем, фотографий и папки с историческими документами, которые прожили «четыре трети жизни Кривошеиных», мне достались в наследство, их я и принялась разбирать. Игорь Александрович был единственным

и первым репатриантом из Парижа, который после выхода из Дахау в 1945 г., а затем из Тайшетского лагеря в 1954 г. стал активно рассказывать о матери Марии (Скобцовой), его молитвами и стараниями во многом состоялось ее «проявление» в бывшем Советском Союзе.

По мере того, как я перелистывала записи в тетрадях и вчитывалась в старые вырезки газет, я совершенно внезапно окунулась в жизнь и судьбу матери Марии.

Будущая мать Мария Парижская — Елизавета Юрьевна (по первому мужу Кузьмина-Караваева) — в СССР была известна прежде всего как поэтесса, начинавшая свой творческий путь в эпоху Серебряного века. Однако мало кто знает, что природа и Бог одарили эту женщину еще и подлинным талантом художника и высшим предназначением монашества в миру. Она открывала бесплатные столовые, дома для престарелых и бездомных. Во время войны и оккупации Франции в своей церкви укрывала английских летчиков и спасала от арестов евреев, выдавая им крещенские метрики. Эта опасная деятельность связала ее с Игорем Александровичем Кривошеиным, а через него — с французским Сопротивлением.

Имя матери Марии использовали как знамя своих идей представители разных идеологических станов. Например, в СССР ее преподносили обществу как партизанку и большевичку, а на Западе — как борца с ортодоксальным косным православием.

Это противостояние продолжается до сих пор, но клише обедняют характеристику этой личности, заслоняют ее многогранность.

К большому сожалению, изучение ее деятельности было значительно затруднено по ряду причин. Во-первых, в силу исторических обстоятельств — Елизавета Юрьевна оказалась в эмиграции, и творчество ее, как, впрочем, и жизнь, было разрублено пополам: первая половина — Россия до 1921 г., и вторая половина — эмиграция и Франция.

Период с 1911 по 1921 г. можно назвать российским, он был наполнен поэзией, выставками, первыми философскими эссе и судьбоносной встречей Лизы Пиленко с Александром Блоком. Для нее открылся мир поэзии. Их дружба и влюбленность молоденькой Лизы (будущей м. Марии) в великого поэта со взлетами и падениями, перепиской, растянувшейся на десять лет, сформировали ее как поэтессу. А он посвятил ей свои стихи:

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите...*

В это время она была окружена и буквально пропитана воздухом Серебряного века, творчеством Александра Блока, Вячеслава Иванова, Николая Гумилева, Наталии Гончаровой, Максимилиана Волошина, но даже в ранних своих поэтических и живописных произведениях будущая м. Мария уже искала путь Богопознания. Со временем она отходит от модернизма и окончательно находит себя в жанре религиозно-философской символической поэзии и живописи. Однажды, будучи еще совсем молодой и не подозревая о своем предназначении, она сказала: «Мое творчество — это как молитва». Ну а острая на язык Зинаида Гиппиус громогласно заявила в Париже в 1932 году: «Вы только подумайте, (наша) Лиза Скобцова, поэтесса и художник, — и вдруг стала монахиней!» <...>

Мария Скобцова. Фото из архива Ксении Кривошеиной

В сентябре 1932 года мать Мария подписала свой первый контракт на аренду дома, в нем она собиралась устроить «общежитие для одиноких женщин». Этот дом на ул. Вилла де Сакс в Париже был снят ею без всяких надежных финансовых средств. Пришлось взять денег в долг. Потом у нее подобная ситуация повторялось часто. Сначала возникала идея, которой она была одержима, и она погружалась в нее с головой, заражала своим энтузиазмом своих помощников, ее пытались отговорить, образумить, но она никого никогда не слушала, и... у нее получалось. За несколько лет до 1939 г. в самом Париже она открыла еще несколько приютов и санаторий для туберкулезных, который впоследствии был превращен в дом отдыха для выздоравливающих после больницы. Она добивалась цели! <...>

По натуре и по убеждениям мать Мария была максималисткой. Многие русские эмигранты относились к ней с недоверием и недоброжелательно, ее монашество многих шокировало, а церковная благотворительность была настолько нова в те годы, что вызывала недоумение и ропот.

Сама она считала, что в нашу страшную эпоху разрушения, полной дисгармонии чувств, близкого Апокалипсиса, ее путь предначертан, а потому не могла отгородить себя от страданий за ближнего: «Тема Апокалипсиса обретает особое звучание к концу 30-х гг. в связи с надвигающейся катастрофой, что остро ощущается».

Для м. Марии, остро и болезненно пережившей выкорчевывание себя из России, смерть маленькой дочери Насти, а в 1936 году отъезд и таинственная гибель старшей дочери Гаяны в СССР, бедность и страдания окружающих ее людей привели к настоящему раскрытию монастырских стен души. Она была богословски глубоким человеком, и ее понимание того, что происходит в мире, было выше каждодневных проблем: мировое Зло и его столкновение с Добром было для нее очевидным. К началу Второй мировой войны чувство отчаяния от невозможности остановить приближение катастрофы заполняло все ее существо.

Первая организованная группа Сопротивления возникла в Париже летом 1940 г. в Музее человека. В нее вошли представители научной интеллигенции. Главой организации был молодой и талантливый ученый-этнограф, русский эмигрант Б.В. Вильде. У группы имелся ротатор, на котором печатались «бабочки» и другие материалы. В частности, здесь

были отпечатаны знаменитые «33 совета жителям оккупированной зоны». Члены группы добывали секретные сведения о немецких военных объектах, которые передавали голлистам в Англию. Вели они и другую активную работу. 15 декабря 1940 года вышел первый номер подпольной газеты «Сопротивление». В первые месяцы оккупации Франции «пламени борьбы», о котором говорил де Голль, еще не было. Были лишь отдельные вспышки. Первые проявления Сопротивления были весьма скромными. Так, в июле на скамейках парков появились наклеенные плакаты: «Долой оккупантов». В августе было совершено покушение на немецких солдат в Булонском лесу. На стенах зданий появились «бабочки» — листовки.

В ночь с 15 на 16 июля 1942 года в Париже были произведены массовые облавы и аресты евреев. По заранее составленным спискам гестаповцами было арестовано общей численностью 13 000 человек (среди них 4000 детей). Они были свезены на велодром на бульваре Гренель. Немногим удалось скрыться, операция была организована в строжайшем секрете, и утечек практически удалось избежать. Те, кому удалось бежать, пополнили коммуну дома на улице Лурмель, который находился всего на расстоянии полутора километров. Немцы устроили из велодрома своего рода пересыльный лагерь. До отправки в Аушвиц людей содержали пять дней под открытым небом без еды, уборной и с единственным краном питьевой воды. Благодаря монашеской одежде м. Мария проникла на велодром. С ее стороны это было рискованное предприятие: немцы не препятствовали монахини, но в любой момент могли ее задержать и обыскать. Она провела там три дня, выходила и возвращалась с едой, утешала, и, по некоторым сведениям, ей удалось устроить побег четверых детей, которые были вынесены в мусорных ящиках.

Мария Скобцова. Фото из архива Ксении Кривошеиной

Невольно возникает вопрос: неужели она и ее окружение не понимали, что за Лурмелем ведется наблюдение со стороны гестапо? Более того, наверняка среди постояльцев были провокаторы, которые доносили начальнику Управления по делам русской эмиграции Жеребкову о деятельности Комитета помощи. В феврале на Лурмель появилась странная женщина, выпущенная немцами из заключения, впоследствии подозрения подтвердились — она оказалась агентом. Присутствие м. Марии на велодроме и ее активная, нескрываемая помощь евреям тоже были известны. Не нужно списывать со счетов недружелюбное отношение определенной части русской эмиграции к просоветской деятельности м. Марии: ее открытое ликование и надежды на победу Красной армии, лютая ненависть к Гитлеру и коллаборантам вызывали у пронацистки настроенной диаспоры нескрываемую злобу.

В воскресенье 7 февраля 1943 года мать Мария уехала из Парижа в Фелярд на сутки, намереваясь немного отдохнуть. На другой день, 8 февраля, гестаповцы нагрянули на Лурмель, произвели там повальный обыск: перерыли шкафы, провели личный досмотр постояльцев. По счастливой случайности на момент обыска никого из нелегальных жителей не оказалось на месте, но из кармана сына м. Марии Юры было изъято письмо одной женщины-еврейки, адресованное о. Дмитрию, с просьбой о крещении. В канцелярии «Православного дела» его коротко допросили. Софья Борисовна присутствовала при аресте внука, и на вопрос, когда его отпустят, гестаповец Гофман закричал на нее по-русски: «Где ваш поп? Давайте сюда попа!» Отца Дмитрия Клепинина допрашивали в течение четырех часов, условием его освобождения был отказ от помощи евреям. «А этого еврея вы знаете?» — отец Дмитрий показал на свой наперстный крест с изображением распятого Христа. Его сильно ударили по лицу... Этим ответом он вынес себе смертный приговор. Гофман объявил, что они сейчас увезут Юру как заложника, а выпустят только тогда, когда явится мать Мария.

О случившемся было незамедлительно сообщено телеграммой м. Марии. Утром 9 февраля она примчалась в Париж, где узнала о задержании и допросах о. Дмитрия, Ф. Пьянова и своего сына Юрия, которых немцы, естественно, и не собирались освобождать. Ее первый продолжительный допрос был проведен в лурмельском доме. «При последних минутах прощания, — вспоминала мать подвижницы Софья Борисовна, — обнялись мы с ней. Благословила я ее. Всю жизнь, почти неразлучно, дружно, прожили мы вместе. Прощаясь, она, как всегда, в самые тяжелые минуты моей жизни, сказала: «Крепись, мать!»

Эмиграция людей чаще не объединяет, а размежевывает и ожесточает. В условиях первой эмиграции людей, выброшенных в пустоту, было сотни тысяч.

Среди них — и совсем простые, малообразованные, и аристократия, писатели, художники, артисты, духовенство. Большинство жило плачевно. Понять можно — бежали от пуль, от большевистских расстрелов. По дороге, если и удавалось что-то сохранить из сбережений, все продавалось. Редкий эмигрант мог заработать на жизнь своей специальностью, если таковая имелась. Деятельность матери Марии (Скобцовой) всегда вызывала у одних интерес и восхищение, у других — осуждение и недовольство.

Ее жизнь до пострига в России и уже с 1932 г. — монашеская — есть единое целое ее личности. До сих пор слышны упреки в том, что она была не такой монахиней, как «все»: богема, замужество, дети, слишком властный характер... Господь послал ей огромное испытание — пережить смерть ее собственных детей. Она стала поистине до конца, по-монашески обнищавшей, стала матерью и сестрой для всех нас.

Общеизвестно, что м. Мария и в лагере Равенсбрюк продолжала молиться, творить и поддерживать людей. При способности, выработанной десятилетиями, легко переносить нужду, никогда особенно не заботясь о собственном комфорте в повседневной жизни, мать Мария и в лагере целиком обернулась к нуждам заключенных. Более того, несмотря на лагерные ужасы, она находила слова утешения для других, сохраняла веселость, шутила и никогда не жаловалась. В бараке ей удалось устраивать настоящие дискуссии, окружив себя самыми разными по возрасту и вере людьми. Из рассказов выживших солагерниц: «...Она помогала восстановить нам утраченные

душевные силы, читала нам наизусть Евангелие, стихи Блока, Пушкина, рассказывала о Франции». Оставшиеся в живых узницы отмечают наличие у нее «пламенной мысли», «огня человечности», «энергии и творческого порыва». «<...> В ноябре 1944 г. я случайно узнала, что мать Мария находится в лагере Равенсбрюк, где я сама была уже несколько месяцев. <...> Я пришла к ней в тяжелую минуту, чувствовала, что теряю сердце, что мне больше не хватает душевных сил в этом беспроглядном мраке лагеря, меня ждет смерть и мне страшно. Я искала у нее поддержки — и скажу, что нашла у ней то, чего искала».

Мать Мария Скобцова. Фото из архива Ксении Кривошеиной

Равенсбрюк был трудовым лагерем. Кто-то работал в лесу на валке и корчевке деревьев, иные засыпали окрестные болота песком, кто-то строил дороги, в мастерских лагеря чинили и

шили одежду солдатам. Рабочий день длился 12–14 часов (после трех-четырех часов стояния на перекличке). Вся система этой изнуряющей, а порой бессмысленной работы в совокупности с жестокими наказаниями была направлена на постепенное моральное и физическое уничтожение заключенных.

Полностью саботировать лагерный труд было невозможно. Пожилые и нездоровые женщины в лагере получали «карточки ограниченной годности», которые давали право работать в блоке вязальщиц или заниматься уборкой помещений. Мать Мария, пользуясь своим возрастом, определилась на «легкую» работу уборщицей. Грязи она не боялась и принципиально считала, что таким образом она работает не на немцев, а на заключенных.

В Равенсбрюке и в других нацистских лагерях были полностью запрещены различные проявления общественной и религиозной деятельности. Было запрещено иметь Библию, молитвословы, совершать литургии или молебны. Верующие женщины умудрялись тайно отмечать церковные праздники. Рискую подвергнуться наказаниям, в день Пасхи 16 апреля 1944 г. мать Мария украсила окна своего барака вырезками из бумаги — это были фигурки ангелов. Этим она хоть немного смогла создать праздничное настроение у своих солагерниц.

Заключенным удавалось получать известия о событиях, происходивших за стенами лагеря. Иногда они чудом добывали даже отдельные номера газет. Так они узнали о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. Эта весть, естественно, была воспринята с радостью и надеждой. Союзные войска наступали, взрывы от бомбежек были слышны в лагере. Но будто на опережение лагерный аппарат по уничтожению стал работать с утроенной скоростью. Чувство полного непонимания реальной гибели фашистской Германии, казалось, подстегивало гитлеровцев к экзекуциям. <...> Предчувствие предела, своего огнепального конца, который ей грезился всю жизнь и о котором она так часто писала в стихах, не покидало мать Марию. Равенсбрюк

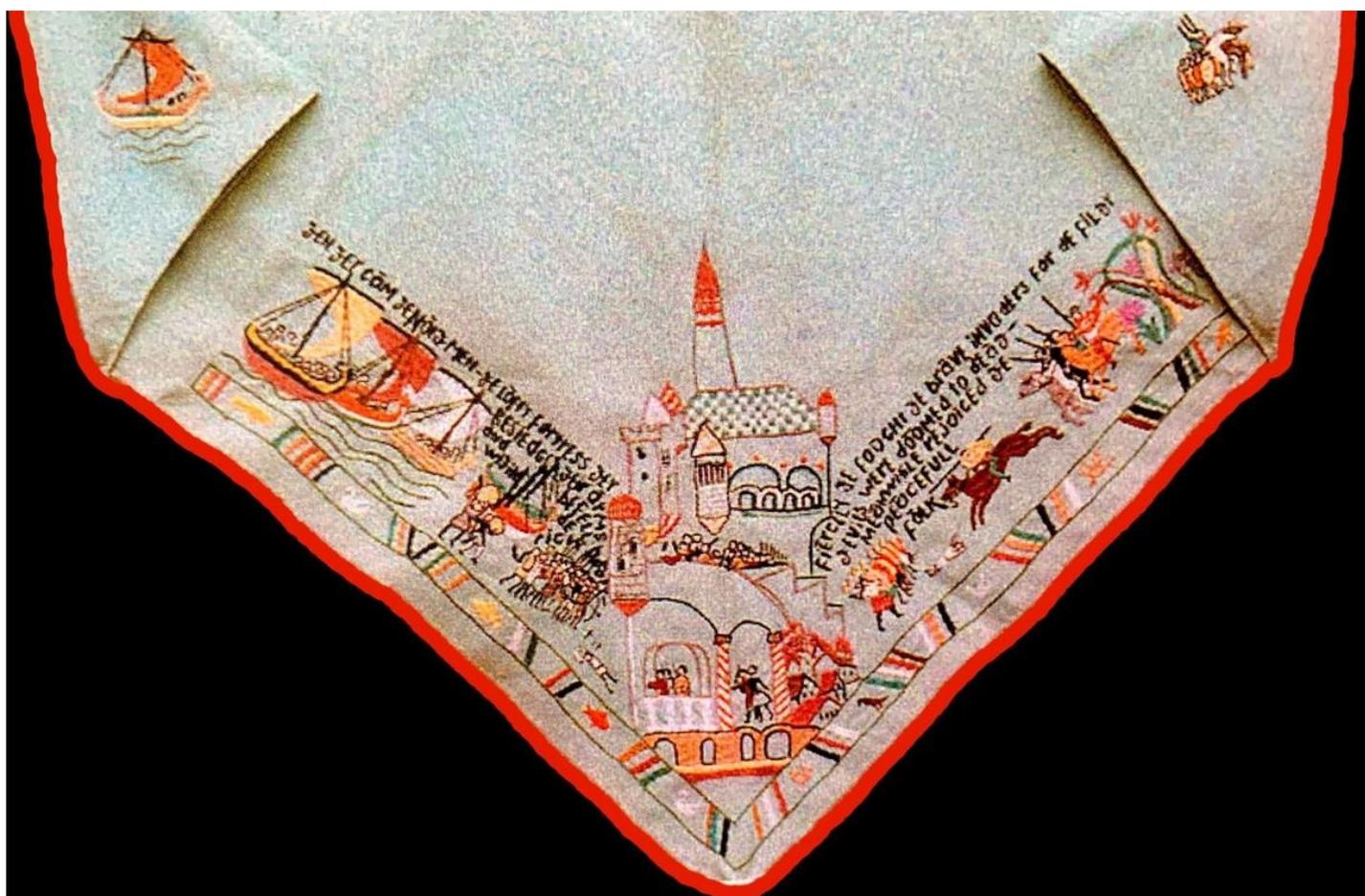
был трудовым лагерем. Кто-то работал в лесу на валке и корчевке деревьев, иные засыпали окрестные болота песком, кто-то строил дороги, в мастерских лагеря чинили и шили одежду солдатам. Рабочий день длился 12–14 часов (после трех-четырёх часов стояния на перекличке). Вся система этой изнуряющей, а порой бессмысленной работы в совокупности с жестокими наказаниями была направлена на постепенное моральное и физическое уничтожение заключенных. Полностью саботировать лагерный труд было невозможно. Пожилые и нездоровые женщины в лагере получали «карточки ограниченной годности», которые давали право работать в блоке вязальщиц или заниматься уборкой помещений. Мать Мария, пользуясь своим возрастом, определилась на «легкую» работу уборщицей. Грязи она не боялась и принципиально считала, что таким образом она работает не на немцев, а на заключенных.

В Равенсбрюке и в других нацистских лагерях были полностью запрещены различные проявления общественной и религиозной деятельности. Было запрещено иметь Библию, молитвословы, совершать литургии или молебны. Верующие женщины умудрялись тайно отмечать церковные праздники. Рискуя подвергнуться наказаниям, в день Пасхи 16 апреля 1944 г. мать Мария украсила окна своего барака вырезками из бумаги — это были фигурки ангелов. Этим она хоть немного смогла создать праздничное настроение у своих солагерниц.

Заключенным удавалось получать известия о событиях, происходивших за стенами лагеря. Иногда они чудом добывали даже отдельные номера газет. Так они узнали о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. Эта весть, естественно, была воспринята с радостью и надеждой. Союзные войска наступали, взрывы от бомбежек были слышны в лагере. Но будто на опережение лагерный аппарат по уничтожению стал работать с утроенной скоростью. Чувство полного непонимания реальной гибели фашистской Германии, казалось, подстегивало гитлеровцев к

экзакуциям. <...> Предчувствие предела, своего огнепального конца, который ей грезился всю жизнь и о котором она так часто писала в стихах, не покидало мать Марию.

Силы она черпала не только в молитвах, но и в живом творчестве — рукоделии. Она вышивала лагерную косынку и свою последнюю икону.

Лагерная косынка Марии Скобцовой. Фото из архива Ксении Кривошеиной

У ее солагерницы Розанны Ласкру, которая после освобождения жила в Париже, долгое время хранилась вышивка м. Марии. Сюжет ее был навеян знаменитым старинным гобеленом Байе — сражение между норманнами во главе с Вильгельмом Завоевателем и англичанами при Гастингсе в 1066 г. Вышивка Матери Марии представляет собой косынку, по краям которой стебельчатым швом вместе с текстом изображен

средневековый рыцарский бой. «Она вышивала во время перекличек... почти не глядя, без рисунка, «киевским» швом. Материя — это моя лагерная косынка. Краски доставала приятельница полька, работавшая по окраске эсэсовских рубашек. Нитки мы добыли из обмоток электрических проводов, разрезанных и обнаженных с помощью лагерных машин «Сименс». Игла была похищена в немецкой портняжной мастерской Улы Биндера — палача-мучителя, впоследствии ее судил Нюрнбергский трибунал. Солагерницы пронесли все это с опасностью для жизни, чтобы была создана вышивка — это шедевр».

В те же месяцы м. Мария начала вышивать свою последнюю работу — икону Божией Матери, обнимающую распятие с Христом. Именно это изображение было ей когда-то навеяно фреской Марсея Ленуара. Раньше она часто меняла вышивки на хлеб, но эту икону она не хотела отдавать ни за что. Е.А. Новикова, подруга по лагерю, рассказывала, что мать Мария говорила: «Вернемся в Париж, я ее даром отдам, подарю, но не здесь. Если я ее успею закончить, она мне поможет выйти живой отсюда, а не успею — значит, умру». Не успела! Занемогла, стала жаловаться на печень и лежала неподвижно целыми днями». К сожалению, мы так и не знаем, что стало с вышивкой. Хочется надеяться, что случится чудо и она еще найдется.

<...> Люди гибли каждый день, трубы крематория дымились непрерывно, и однажды, указывая рукой на выходящий красный дым из трубы, мать Мария сказала: «Он такой только вначале, около земли, а дальше, выше, делается все прозрачнее и чище и наконец сливается с небом. Так и в смерти. Так будет и с нашими душами...» 31 марта 1945 года узница под номером 19263 была казнена в газовой камере.

Ксения Кривошеина. Из книги «Мать Мария Скобцова, святость без границ».